

К 100–ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

2018.01.001. ПАЛМЕР Б.Д., САНГСТЕР Д. ОСОБОЕ НАСЛЕДИЕ 1917 ГОДА: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ *LONGUE DURÉE* РЕВОЛЮЦИИ.

PALMER B.D., SANGSTER J. The distinctive heritage of 1917: Resuscitating revolution's *longue durée* // Socialist register. – L.: Merlin press, 2016. – Vol. 53: Rethinking revolution. – P. 22–56.

Ключевые слова: революция 1917 г.; социально-политическое и экономическое наследие 1917 г.; longue durée революции 1917 г.

В очередном томе социалистического ежегодника «Socialist Register» предпринимается попытка переосмыслить революцию как один из главных катализаторов социально-политических и экономических изменений в человеческом социуме.

Попытку предметно охарактеризовать особое наследие 1917 г. предприняли в своей статье Б. Палмер и Д. Сангстер. Во введении они констатируют, что 1917 год – «неприятное явление, призрак, который все еще преследует нас» (с. 22). Авторы утверждают, что революция 1917 г. «живет в наших мыслях и действиях, в наших теориях и в наших чувствах». Несмотря на различное восприятие русской революции, 1917 год навсегда останется «свидетельством влияния» рядового человека на глобальные исторические процессы (там же).

В начале прошлого века недооценка революции дорого обошлась не только «реакции», но и всей европейской социал-демократии. Приход большевиков к власти противоречил ортодоксальным взглядам европейских марксистов, считавших, что путь к социализму лежит через эволюцию капиталистической экономики. Не менее важно и то, что 1917 году предшествовал распад II Ин-

тернационала и фактический отказ европейских социал-демократов от «антивоенной политики». Многим социалистам казалось, что война не только не приблизила, но, наоборот, – отсрочила революцию на неопределенный срок. Тем более далекими представлялись перспективы прихода к власти социалистических правительств. Однако русская революция выходила за рамки этих причинно-следственных связей и заставляла современников переосмысливать всю складывавшуюся десятилетиями логику революционного процесса. В победе большевиков – этом нелогичном повороте русской истории – свидетельство «неудержимого потенциала революции», который невозможно в полной мере раскрыть при помощи заранее заготовленных догм и схем (с. 22).

Тем не менее главным препятствием к осмыслению революции остаются ее результаты, точнее – то, что под этими результатами понимается. Общим выводом остается признание поражения революции в силу самых разных причин. Осмысление ее итогов актуальности не теряет, так как в современном мире не исчезла «необходимость преодоления капиталистического гнета, эксплуатации и деградации». С другой стороны, «термидорианская сталинизация» СССР показывает, что даже победа социалистической революции еще не означает окончания борьбы за ее завоевания в социалистическом государстве. Сегодня, полагают авторы, как никогда важно, чтобы новые последователи социалистических идей видели и возможности, созданные революцией 1917 г., и ее последствия, которые, «похоже, исказили представление о социализме» в сознании целых поколений (там же).

К концу XX в. широко распространились представления о 1917 годе как о бессмысленной жертве, которую человечество бросило на алтарь утопических идей. В результате, по словам историка Д. Эли, «революции больше не получают хорошую прессу. Катастрофа сталинизма и позорная кончина Советского Союза позволили почти полностью ликвидировать эмансипационные эффекты русской революции» (цит. по: с. 22). В иных случаях последствия «революционного проекта» (начиная с 1789 г.) оцениваются однозначно: «Два века, миллионы жертв, один результат: все напрасно» (с. 23). Разногласия в оценках 1917 г. признают и авторы рассматриваемой статьи. Однако само наличие этих разногласий показывает значимость революции 1917 г. для современного полити-

ческого процесса, «заставляет социалистов серьезно относиться к проекту замены капитализма реалистичным общественным строем» (с. 24).

Для оценки наследия 1917 года и расширенного понимания революции в статье рассматриваются такие темы, как: эмансипация женщин, семейные отношения, борьба за расовое равенство, классовая мобилизация и «комплексное представление о сопротивлении и о борьбе в различных художественных и литературных жанрах». Хотя далеко не все из этого несет на себе «прямой и непосредственный отпечаток 1917 года», трудно представить «широту сопротивления и богатство разнообразных событий» XX в., не обращаясь при этом к истории русской революции (с. 23).

После 1917 г. Россия была объектом внимания социалистов всего мира как страна, добровольно приступившая к колоссальному по масштабам социальному эксперименту. Уникальность ситуации заключалась еще и в том, что Россия переходила к совершенно новым, передовым формам социальных отношений без многолетней подготовки. Большевики решительно двигались к введению всеобщего избирательного права, отмене сословных и расовых ограничений, уравнивания в правах мужчин и женщин. Вызвавшая беспрецедентные дебаты эмансипация женщин играла, по мнению авторов, в этом ряду особую роль, так как изначально выходила за идеологические рамки и вдохновляла феминисток не только социалистического, но и либерального направления. Последние видели в советском опыте эмансипации доказательство того, что коренные изменения в положении женщин возможны и «если слаборазвитая страна может пойти на такие выдающиеся шаги, то почему на них не могут решиться развитые западные страны?» (с. 24). Идеология интернационализма, до того как она была присвоена и искажена Коминтерном, давала возможности для диалога не только через официальные каналы (Международный женский секретариат, женотделы), но и через множество других социальных институтов (с. 26).

В течение 1920-х годов происходило постепенное свертывание советской эмансипации женщин, были упразднены женотделы, а Международный женский секретариат оказался под жестким контролем сталинского Коминтерна. Среди основных причин этого авторы выделяют «устойчивость патриархальных норм и религиоз-

ных убеждений», продолжавших доминировать и в Советской России. В целом же свертывание завоеваний революции отражало общие экономические и политические тенденции в СССР 1920-х годов. Победа в Гражданской войне была добыта дорогой ценой, прежде всего для крестьянства и пролетариата, которые были обескровлены и в значительной степени потеряли решимость отстаивать свои права перед лицом усиливавшегося репрессивного аппарата. Со смертью Ленина революционное государство дрейфовало в сторону бюрократизма, авторитаризма и самоизоляции. Строительство социализма в отдельно взятой стране фактически противопоставлялось «революционному интернационализму и инициативе классовой борьбы» (с. 27). На этом фоне женский вопрос отошел на второй план, а в 1934 г. и вовсе был объявлен решенным. Отныне ставилась задача всемерной интеграции женского труда в промышленность и сельское хозяйство, при этом от традиционной роли хранительниц домашнего очага женщины не освобождались (с. 24).

Ситуация на Западе была совершенно иной, но приводила фактически к тем же результатам – отступлению социалистов-интернационалистов и вообще всех левых сил. Западноевропейские страны и США в меньшей степени, чем Россия, пострадали от разрушений Первой мировой войны, вследствие чего состояние капитализма за послевоенное десятилетие «значительно улучшилось материально и идеологически» (с. 28). Силы реакции перешли в решительное контрнаступление, выставляя социалистов как потенциальных предателей, чуждых интересам страны и народа. Феминистки в Европе и США одновременно подвергались систематическому давлению со стороны государства и консервативных общественных объединений, видевших в феминизме революционную опасность (с. 25). Характерной тенденцией стал отказ «прогрессивных сил» от коммунистической идеологии и вообще радикальных методов в политике.

Борьба за гендерную и расовую эмансипацию все больше переходила на либерально-демократическую платформу, принимала умеренные формы и встраивалась в рамки парламентской системы западных демократий. Репрессии и давление властей значительно ограничивали возможности профсоюзов, которые к 1929 г. смотрели на период 1916–1923 гг. как на «нечто очень далекое» (с. 29).

Тогда же стала очевидна роль СССР в революционном движении, точнее – изменение этой роли. Бюрократизация и сталинизация Коминтерна символизировали отход Советского Союза от «идеалов интернационализма» и использование им зарубежных социальных движений исключительно в своих целях. Отступление СССР от революции отразилось и в эстетизации социализма в Европе, кульминацией чего станет западный марксизм, «одухотворенный философией, но все более отдалявшийся от революционной политической практики» (с. 29).

Тем не менее органическая связь революции 1917 г. с массовыми социальными и этническими движениями на Западе в 1920-е годы сохранялась и ее «было очень трудно разорвать» (с. 32). Эта связь дала о себе знать с началом экономического кризиса на Западе. Формы этого кризиса варьировались в разных странах и зависели от политической культуры, гендерных и межрасовых отношений. Однако, считают авторы, «ощущение, что марксистский анализ слабостей капитализма» не теряет своей актуальности, возникало у многих революционных групп по всему миру (с. 33). «Наследником 1917 года» в этом случае выступил Советский Союз. Успехи индустриализации в СССР на фоне Великой депрессии в Европе и Америке «служили весомым доказательством того, что в капиталистической системе явно что-то не так» (с. 32). Прямым результатом стал рост профсоюзов, радикальных этнических и женских объединений, в своей борьбе руководствовавшихся социалистическими идеалами. К 1934 г. классовая борьба, оживленная революционерами, была так или иначе вдохновлена событиями 1917 г. (с. 34). В этот период европейские и американские коммунистические и социал-демократические партии вновь вышли из «забытья 1920-х годов» и обрели популярность, участвуя в забастовках и стачках, организуя многочисленные митинги и просветительские мероприятия. Искусство и культура подпитывали этот «революционный антикапитализм». Росло количество левой художественной литературы, поэзии, искусства, фотографии и художественной критики. «Новые рекруты революционного коммунизма» вновь обратили пристальное внимание на «авангард 1917 года» и актуализировали вопросы: «Как связаны искусство и политика; как культура может стимулировать революционное воображение и вдохновлять антикапиталистическое мышление?» (с. 35).

В 1930–1940-х годах капитализм устоял, несмотря на «сильные штормы». Во многом эта победа была обусловлена Второй мировой войной и колоссальным ростом вооружений. Кроме того, после войны произошло «первое действительно искреннее признание» необходимости создать законодательную систему, которая упорядочит отношения «между капиталом и рабочей силой». Послевоенный экономический рост сопровождался также изменением международной обстановки. Одним из проявлений начавшейся холодной войны стала «война с коммунистическим сопротивлением», в результате чего к началу 1950-х годов представители радикальных социалистических течений «были практически изгнаны из рабочего движения» (с. 37). Репрессии позволили свести к минимуму стачечное движение и исключили какую-либо возможность серьезных рабочих волнений. Тем не менее «вооруженное кейнсианство само по себе не могло обеспечить долгосрочное решение внутренних противоречий капитализма» (с. 36).

На этом фоне революционный потенциал стал все больше проявляться на периферии капиталистического мира, где продолжали доминировать самые грубые формы сверхэксплуатации населения и ресурсов. Бывшие колонии западных держав в Африке, Южной Америке и Азии к середине XX в. представляли собой благодатную почву, на которой быстро распространялись социалистические идеи. Для антиколониальных движений была характерна революционная романтика, и в этом они были «неразрывно связаны с большевистской революцией 1917 г.» (с. 37). Эта связь довольно быстро перешла в практическую плоскость, и революционеры-социалисты «черпали вдохновение, а в некоторых случаях и материальную поддержку со стороны родины первичного большевистского эксперимента» (с. 38). 1917 год воспринимался на мировой периферии как символ и пример освободительной революции. Это так или иначе усиливало идеологическое влияние СССР, даже учитывая, что «сталинизм продолжал... разбазаривать революционные возможности и нести ответственность за катастрофические поражения» социализма во всем мире (там же).

Социализм рассматривался в странах «третьего мира» одновременно и как способ освобождения угнетенных народов, и как идеальная форма государственного и общественного устройства. Однако собственно марксистское учение зачастую трактовалось

своеобразно и упрощенно, и в глазах африканских и азиатских товарищей социализм в большинстве случаев был не более чем «сплавом добрых намерений», не подкрепленных конкретными планами действий (с. 39). Во многом поэтому стремление построить бесклассовое общество на практике оборачивалось диктатурой и жестокими репрессивными режимами, прикрывавшими свои преступления социалистическими идеями. Авторы отмечают, что эти политические метаморфозы – тоже «наследие 1917 года»: опыт большевиков по удерживанию власти с помощью репрессий и террора был столь же хорошо знаком африканским повстанцам, как и европейским марксистам-теоретикам. К тому же популярность коммунистических идей постепенно снижалась в течение 1970-х годов, когда на фоне экономического кризиса капиталистическая экономика сжималась и свертывала интенсивное производство в бывших колониях. Борьба за власть в Африке и Азии на практике редко имела что-то общее с социализмом и марксизмом, и внешние идеологические оболочки сохранялись только при поддержке СССР.

Формирование новых последователей социализма и революционных идей происходило на фоне усталости западных обществ от «закостенелых форм холодной войны». Как и их предшественники, «новые левые» в 1970-е годы продолжали выступать против капитализма и «корыстного индивидуализма», но в то же время старались дистанцироваться от бюрократизированного советского марксизма, особенно после обнародования данных о сталинских репрессиях, после подавления восстания в Будапеште и ввода войск в Чехословакию. В сознании социалистов на Западе Советский Союз был ближе к своему главному противнику – США, чем к Советской России образца начала 1920-х годов. Это сближение шло на основе фактического отказа от революции как таковой, хотя внешние «ритуальные» формы поклонения революции в Советском Союзе оставались вплоть до его крушения. В 1970–1980-х годах все большую популярность набирала точка зрения, что идеология нужна СССР только для прикрытия своих геополитических целей, являвшихся по сути своей империалистическими и захватническими. Революция 1917 г. не столько ассоциировалась, сколько противопоставлялась своему, казалось бы, главному детищу – Советскому государству. В этом смысле авторы видят в падении СССР не

только очередную победу капитализма, но и неминуемый результат отступления от социалистических идеалов в позднесоветский период. 1917 год отныне рассматривался не столько как веха в социально-политической истории, сколько как феномен, намеренно отделяемый новыми поколениями левых от позднейших политико-идеологических наслоений (с. 43).

Вместе с тем абстрагирование 1917 г. от политической конъюнктуры XX столетия в определенной степени сужает потенциал революции, разрушает ее наследие. Для новых «волн» социалистов, пришедших в политику в 1970–1990-х годах, 1917 год все больше становился объектом поклонения, «чистым листом», на котором у большевиков была возможность написать новую историю человечества, но они ею не воспользовались. Однако практического значения на Западе этот идеал уже не имел. Одна из главных причин заключается в том, что либеральные, а отчасти даже и консервативные политические течения восприняли многие плоды революции 1917 г. (равенство рас и полов, политические свободы, всеобщее избирательное право и т.д.) и продвинули их дальше, но уже в собственных идеологических рамках. Таким же образом и сегодня выбивается почва из-под ног радикальных социалистов, которым все труднее обосновывать преимущества социальной революции перед эволюционными способами достижения социального прогресса (с. 48).

Главным неутешительным итогом, с которым левые подошли к началу XXI в., является нарушение преемственности между настоящим и прошлым левого движения. Ее восстановление – небольшая, но важная часть обновления левых. Преемственность во все не означает «повторения ошибок и недостатков прошлого» или, наоборот, – «осуждения нашей практики и нашего анализа». Напротив, полагают авторы, революция 1917 г. сохраняет свою актуальность в эпоху политической и экономической нестабильности во всем мире. Она остается для левых убедительным доказательством и свидетельством решимости человека пожертвовать очень многим для достижения свободы, для обретения и защиты своих прав. Примеры революций прошлого «побуждают людей не довольствоваться малым». В этом авторы видят важнейшее значение 1917 г. и *longue durée* революции – события, которое не имело и не может иметь формального завершения (с. 52).